

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Валентины Юрьевны Апресян на тему
“Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке”,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.02.19 – теория языка.

Диссертационная работа В. Ю. Апресян посвящена разработке методов описания больших семантических классов, представленных как лексическими, так и грамматическими единицами. Работа продолжает и развивает подходы, предложенные в рамках теории лингвистических моделей «Смысл-Текст» И. А. Мельчука, теории интегрального описания языка и системной лексикографии Ю. Д. Апресяна и теории естественного семантического метаязыка А. Вежбицкой. Исследования, выполненные в рамках этих направлений, демонстрируют мощь метода аналитических толкований, позволяющего выявить все семантические компоненты слова, наглядно и системно представить семантические связи между словами внутри классов и между классами, объяснить и обосновать семантически мотивированные свойства слов. Этот метод реализован в виде нескольких словарей разных языков, в которых собран весьма представительный материал. Однако до сих пор отсутствуют систематические описания больших семантических классов языковых единиц, которые, с одной стороны, обладали бы достаточной полнотой, а с другой стороны, охватывали бы не только лексический, но и грамматический материал. Именно в таком описании можно убедительно продемонстрировать системность языка в целом, а не только его лексической системы. Сущность понятия «системообразующих» смыслов, предложенного в работах Ю. Д. Апресяна, как раз и состоит в том, что они пронизывают все уровни языка и в равной степени организуют как лексическое, так и грамматическое пространство.

В диссертационном исследовании В. Ю. Апресян впервые предпринимается именно такая попытка. Разработанные ей методы системного семантического и прагматического анализа больших семантических классов единиц, состоящих из элементов разной природы (как лексических, так и синтаксических), апробированы на большом материале. В него входят более семидесяти лексических и синтаксических единиц класса уступительности в

русском языке и свыше двухсот лексических единиц класса эмоций в русском и английском языках. Помимо этого рассматривается еще несколько групп разнообразных лексических и синтаксических единиц. Из всего этого круга единиц я бы особо выделил уступительные слова по нескольким причинам. Во-первых, они входят в число базовых грамматических единиц; союз *хотя* трактуется даже в самых кратких грамматиках, в том числе в практических грамматиках, предназначенных для школьников и иностранцев. Во-вторых, они состоят из функциональных слов (в первую очередь, союзов и предлогов), а они, как известно, вообще труднее поддаются истолкованию, чем полнозначные слова. В-третьих, в кругу грамматических значений само значение уступительности до сих пор описано хуже других. В отличие от многих других обстоятельственных значений оно семантически непрозрачно, и все еще отсутствует его общепринятое истолкование. **Все это определяет актуальность работы и ее практическую значимость.** Редко можно встретить докторскую диссертацию, результаты которой будут непосредственно отражены в практических грамматиках для школьников и иностранцев. Впрочем, вхождение в школьные грамматики – это дело будущего, но уже и сегодня результаты обсуждаемой диссертации достойно представлены в новаторских словарях русского языка, вышедших в последние годы, – в Новом объяснительном словаре синонимов и в Активном словаре русского языка.

Новизна исследования проявляется в том, что эта диссертация удачно объединяет в себе сильные стороны нескольких направлений современной лингвистики – семантики в духе Московской семантической школы, корпусной прагматики, лексической типологии, грамматики конструкций и исследований многозначности. На стыке этих направлений В. Ю. создала новую цельную концепцию семантического описания больших классов лингвистических единиц, основанную на идее аналитического толкования прототипа и развития его в направлении системообразующих смыслов. Кроме того, в исследовании разработаны новые методы семантической и прагматической типологии – метод кластерного анализа и сравнения лексем со значением эмоций, а также метод сравнения межъязыковой прагматики путем анализа частотности употребления лексем в определенных конструкциях и частотности заполнения конструкций определенными лексемами. Нет сомнений, что по пути, проложенному серией

работ В. Ю. Апресян, обобщенных в данной диссертации, будут идти многие молодые исследователи.

Остановимся на некоторых научных результатах, описанных в диссертации.

Диссертация посвящена исследованию образования и взаимодействия разных типов сложных значений в языке – значений семантических классов, значений многозначных вокабул, значений отдельных конструкций и лексем и, наконец, семантических компонентов внутри значения одной лексемы. Хотя многие из этих типов взаимодействий уже привлекали внимание исследователей, в диссертации В. Ю. Апресян весь этот комплекс разнообразных явлений впервые представлен в виде целостной картины, изучаемой с единых позиций и в единой перспективе. Диссертация убедительно показала плодотворность представления о том, что в основе структуры абстрактных предикатных семантических классов лежит прототип, представленный в значении центральной для класса языковой единицы. Значения остальных единиц класса могут быть получены из прототипа путем семантических модификаций, в которые может входить конверсия, прибавление или убавление валентностей и семантическое наращение по системообразующим смыслам. Этот подход применен к исследованию двух больших семантических классов – классу уступительных выражений и классу эмоций. В обоих случаях он позволил построить семантическое описание, во многом превосходящее существующий уровень знаний по всем ключевым параметрам – по точности и проницательности толкований отдельных единиц, по системности описания класса в целом, по выводимости многих синтаксических, сочетаемостных и прагматических свойств из состава семантических компонентов, по тщательности обоснования принимаемых решений.

Особо хочется отметить свойственную В.Ю. строгость логического мышления и отчетливость формулировок. Ей чужды распространенные в филологических сочинениях приблизительность и неопределенность, часто маскируемые под образность и метафоричность. Наглядным примером этой черты научного стиля диссертанта может служить раздел, посвященный семантическому разложению ключевого для работы концепта уступительности. Это разложение (как, впрочем, и многие другие) представлено не догматически, а

путем систематического сопоставления со всеми имеющимися в литературе трактовками и тщательного взвешивания всех аргументов.

Четкость мышления, с одной стороны, и тонкое семантическое чутье, с другой, позволяют диссертанту увидеть и точно охарактеризовать сходства и различия, обычно ускользавшие от внимания предыдущих исследователей. Например, союзы *зато* и (*вот*) *только* не принято рассматривать вместе, а В. Ю. обнаружила, что семантически они очень близки, то есть имеют очень похожие аналитические толкования. А существенное различие, которое мешало увидеть семантическое сходство, касается диаметрально противоположных прагматических функций, что хорошо видно на примерах *Она глупая, зато красивая* vs. *Она красивая, (вот) только глупая*.

Диссертант ведет исследование одновременно и на макро- и на микроуровне. С одной стороны, строится описание крупных семантических классов, состоящих из десятков (в случае уступительности) и сотен (в случае эмоций) языковых единиц. С другой стороны, описание доводится до уровня полных словарных статей с тщательно разработанным делением на значения и детальными аналитическими толкованиями каждого значения.

Автором получены интересные результаты в нетрадиционной для Московской семантической школы области лексической типологии. На основе той же методологии описания семантических классов через прототип и его усложнение по осям, задаваемым системообразующими смыслами, проведен анализ различий между кластерами эмоций в русском и английском языке, опирающийся на большой корпусной материал, и сформулированы основные положения этикета выражения эмоций в этих языках. В этом разделе специально хочется отметить тончайший разбор кластера ОБИДА в обоих языках.

В диссертации развиты и уточнены некоторые общие принципы, предложенные В.З.Санниковым для описания поведения союза *но*. Один из примеров – принцип, гласящий, что если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении. Он необходим для объяснения правильности предложений типа *Он заболел, но потом выздоровел* и аномальности предложений типа **Он заболел, но потом умер*. В.Ю. исследовала применимость этих принципов для описания поля уступительности и обнаружила, что во многих случаях необходимо постулировать более частные закономерности.

Это очень увлекательная и мало разработанная область исследований. Один из вопросов, которые возникают в этой связи, - это вопрос о теоретическом статусе этих принципов и, в частности, о степени их общности. Они составляют часть нашего знания русского языка или чего-то более общего? Неужели они привязаны к конкретным словам, и для союза *но* говорящий помнит один набор принципов, а для уступительных союзов – другой? Сколько наборов таких принципов используют носители русского языка? Какие другие единицы требуют обращения к этим или другим подобным принципам? Какие принципы используют носители других языков? На эти вопросы пока нет ответов.

Следует отметить, что эта тема имеет неожиданную параллель в современной компьютерной лингвистике. В последние годы активно развивается область *commonsense reasoning* («умозаключения на основе обыденной логики»), лежащая на стыке математической логики, искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики. Одна из важнейших аксиом, используемых в подобных умозаключениях, называется *commonsense law of inertia* и гласит: если объект находится в некотором состоянии, то он будет продолжать в нем находиться, пока не произойдет событие, которое это изменит. Это практически то же самое, что утверждает один из общих принципов Санникова, но используется не для описания поведения слов, а для моделирования умозаключений.

Семантическое описание, предложенное в диссертации для уступительных слов, включает не только толкование, но и актантную структуру каждого слова. Все описанные слова имеют определенное число валентностей, представленных в толкованиях посредством переменных, и для понимания текста необходимо знать, какой фрагмент предложения заполняет каждую из валентностей. Следует заметить, что описание актантной структуры слова подчиняется той же логике движения от прототипа к периферии, которая так убедительно продемонстрирована в диссертации для других аспектов семантики слова.

Как известно еще со времен Теньера, глаголы, в первую очередь, многоактантные, синтаксически организуют все предложение, формируют его предикатно-аргументный скелет, на который наращивается «мясо» в виде разнообразных обстоятельств и определений. Единицы адвербиального характера (союзы, предлоги, наречия) в этот каркас не входят, но и для них существует

прототип заполнения валентностей. Так, союзы и предлоги, которым в диссертации уделяется большое место, прототипически имеют два актанта, один из которых их синтаксически подчиняет, а второй – им непосредственно подчинен: *Р, хотя Q, Р несмотря на Q*. Первый шаг от прототипа к периферии делается, когда у этих слов появляется третий актант. Однако и он часто маркируется вполне однозначно как с помощью порядка слов, так и с помощью определенных предложно-падежных показателей. Ср., например, двухактантную реализацию предлога *до* во фразе *принимать таблетки до еды* и трехактантную во фразе *принимать таблетки за 20 минут до еды*.

Следующий шаг удаления от прототипа демонстрируют случаи, когда у адвербиала нет непосредственной синтаксической связи со своим семантическим актантом. Но и в этом случае обычно можно сформулировать условия, позволяющие задать его позицию достаточно определенно. Например, в предложении *Коля по привычке поддразнивал младшего брата*, субъектом адвербиала *по привычке* является субъект подчиняющего глагола – *Коля* (но не его прямой объект – *младший брат*).

Диссертация В.Ю. показывает, что некоторые уступительные единицы доводят ослабление прототипических свойств актантов адвербиалов до логического предела – когда значения, заполняющие валентности предикатного слова, не только не соответствуют никаким его синтаксическим связям, но и вообще могут быть достаточно свободным образом размазаны по контексту. Характерный пример – выражения *добро бы* и *пускай бы*, которым сопоставлено следующее толкование с тремя валентностями: ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы вместо Р имела место ситуация R, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа Q’. Вот один из примеров: *Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами [Q]? И добро бы еще с родственниками [R], а то с чужими, с незнакомыми [P]* (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого). Здесь ситуация Q – это ночные пляски русской боярышни с молодыми мужчинами, ситуация Р – это тот факт, что эти мужчины чужие и незнакомые, а ситуация R, при которой Q могла бы быть не такой уж плохой, –

прототип заполнения валентностей. Так, союзы и предлоги, которым в диссертации уделяется большое место, прототипически имеют два актанта, один из которых их синтаксически подчиняет, а второй – им непосредственно подчинен: *Р, хотя Q, Р несмотря на Q*. Первый шаг от прототипа к периферии делается, когда у этих слов появляется третий актант. Однако и он часто маркируется вполне однозначно как с помощью порядка слов, так и с помощью определенных предложно-падежных показателей. Ср., например, двухактантную реализацию предлога *до* во фразе *принимать таблетки до еды* и трехактантную во фразе *принимать таблетки за 20 минут до еды*.

Следующий шаг удаления от прототипа демонстрируют случаи, когда у адвербиала нет непосредственной синтаксической связи со своим семантическим актантом. Но и в этом случае обычно можно сформулировать условия, позволяющие задать его позицию достаточно определенно. Например, в предложении *Коля по привычке поддразнивал младшего брата*, субъектом адвербиала *по привычке* является субъект подчиняющего глагола – *Коля* (но не его прямой объект – *младший брат*).

Диссертация В.Ю. показывает, что некоторые уступительные единицы доводят ослабление прототипических свойств актантов адвербиалов до логического предела – когда значения, заполняющие валентности предикатного слова, не только не соответствуют никаким его синтаксическим связям, но и вообще могут быть достаточно свободным образом размазаны по контексту. Характерный пример – выражения *добро бы* и *пускай бы*, которым сопоставлено следующее толкование с тремя валентностями: ‘имеет место Р; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы вместо Р имела место ситуация R, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа Q’. Вот один из примеров: *Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами [Q]? И добро бы еще с родственниками [R], а то с чужими, с незнакомыми [P]* (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого). Здесь ситуация Q – это ночные пляски русской боярышни с молодыми мужчинами, ситуация Р – это тот факт, что эти мужчины чужие и незнакомые, а ситуация R, при которой Q могла бы быть не такой уж плохой, –

это если бы эти мужчины были родственниками боярышни. Из трех актантов *добро бы* только одна – R – имеет синтаксическую связь с предикатом. Два остальных должны быть обнаружены в контексте по смыслу.

Эти фраземы дают возможность увидеть еще одно любопытное явление, нетипичное для стандартных случаев. В толковании, приведенном выше, ключевое место – указание на то, что при некоторых условиях ситуация могла бы быть не такой плохой. Этот компонент толкования легко может быть «выдавлен» из него и продублирован в тексте эксплицитно в виде выражений типа *это еще ничего* <это еще ладно, куда ни шло, туда-сюда>. Ср. *И добро бы еще с родственниками, это еще ничего* <это я бы еще стерпел>, а то с чужими, с незнакомыми. Здесь мы видим еще одну разновидность взаимодействия значений, в дополнение к тому широкому спектру взаимодействий, который изучается в диссертации, - взаимодействие имплицитных и эксплицитных компонентов значения предложения. Подобных ситуаций дублирования можно найти довольно много. Ср., например, конверсивные выражения *пусть (даже) – все равно* <все же>, способные выступать в одном и том же предложении, подкрепляя и усиливая друг друга: *Он виноват, но мы все равно не вправе его осуждать - Пусть он даже и виноват, мы не вправе его осуждать – Пусть он даже и виноват, мы все равно не вправе его осуждать*. Ср. также пару синонимов *только* и *один*: *Пришел только Коля – Пришел один Коля – Пришел только один Коля*. Было бы интересно систематически изучить, в каких условиях подобное дублирование возможно.

Говоря об актантной структуре слова, стоит упомянуть проблему несоответствия синтаксических и семантических актантов. Толкования слов ориентированы на прототипическую ситуацию, в которой валентности R и Q выражены пропозициями, которые могут быть истинными или ложными. Только в этом случае осмысленны компоненты толкования 'имеет место R' или 'ситуация типа не-Q'. Между тем, в текстах этим валентностям могут соответствовать такие фрагменты предложения, которые не имеют истинностного значения, например, императивные выражения. Ср., например, толкование наречия *как-никак*: 'Имеет место R, имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место R, то ...'. В примере *"Ну будь другом - прими еще хотя бы одного человека [Q]: ведь как-никак - академик [R]"* валентности Q соответствует побудительная фраза *"Прими*

еще хотя бы одного человека", из которой следует "вырезать" побудительность с тем, чтобы получить пропозицию P: 'некто принимает еще одного человека'.

Вся диссертация выполнена на очень высоком уровне, и чувствуется, что автор продумал каждое слово. В таком тексте очень трудно найти слабые места. Тем не менее, выскажу несколько мелких замечаний.

1. На странице 24 дается объяснение соотношения между причиной и уступкой, с которым я полностью согласен. Однако при этом не вполне корректно, на мой взгляд, проинтерпретирован пример (2г) *??Странно расстраиваться несмотря на проигрыш* (который мы будем обсуждать в немного более развернутой форме: *??Странно, что он расстроился несмотря на проигрыш*). Некорректность этого примера диссертант объясняет противоречием между ассерцией и пресуппозицией. А именно, утверждается, что ассерция *странно* содержит информацию о том, что "говорящий считает странным, что, проиграв, человек расстроился", в то время как предлог *несмотря на* предполагает, что говорящий считает, что человеку естественно расстраиваться, если он проиграл. Думается, что конфликта между ассерцией *странно* и пресуппозицией (а точнее, модальной рамкой) предлога *несмотря на* здесь нет. Здесь надо разобраться с тем, каково соотношение сфер действия предиката *странно* и предлога *несмотря на*. Имеет место одно из двух: или *несмотря на* входит в сферу действия *странно*, или не входит. Если не входит, то анализируемое предложение можно представить в виде: *Несмотря на проигрыш странно, что он расстроился*. В этом случае действительно в предложении есть утверждение "говорящий считает странным, что, проиграв, человек расстроился", но и все предложение не содержит никакой аномалии. Если же уступительное выражение входит в сферу действия *странно*, то предложение можно представить в виде *Странно, что несмотря на поражение он расстроился*. Оно действительно неестественно, и корень этой неестественности кроется внутри придаточного и не имеет никакого отношения к предикату главного предложения *странно*.

Посмотрим на это придаточное предложение. Оно совершенно правильно в языковом отношении, но в нем говорящий исходит из картины мира, отличной от привычной. Он считает, что проигрышу естественно радоваться. Нетрудно представить себе ситуацию, в которой это справедливо. Например, субъект

участвовал в договорном матче, по условиям которого он должен был получить крупную компенсацию за проигрыш; он проиграл, но расстроился. В этом случае к этому предложению не может быть никаких претензий. Однако мы оцениваем его исходя из привычных представлений о выигрышах и проигрышах, в соответствии с которыми оно кажется странным. Итак, дефект этого простого предложения объясняется противоречием между нашими представлениями о мире и тем, что сообщается в уступительной конструкции. Естественно, что это противоречие сохранится и в том случае, если мы погрузим это предложение в качестве придаточного в другое предложение, например, *Странно, что..., Он сказал, что..., Я считаю, что...* или любое другое. Тем самым, дефектность примера (2г), с которого мы начали, вроде бы объяснена. Однако это еще не все. Есть еще некоторая тонкость. Выше было указано на странность утверждения *Он расстроился несмотря на проигрыш*. Попробуем выразить это мнение о странности самым прямым образом – с помощью предиката *странно, что*: *Странно, что он расстроился несмотря на проигрыш*. Почему же это предложение дефектно? Почему оно не является корректной констатацией справедливого утверждения, приведенного выше? Дело здесь в том, что предикат *странно, что Р* утверждает нечто **о положении вещей Р**. А мы хотим высказать мнение не о положении вещей, а **об утверждении о положении вещей**, то есть хотим сделать метаязыковое высказывание. Для того, чтобы выразить нужный смысл, следует использовать метаязыковой предикат, например, такой: *Странно говорить, что он расстроился несмотря на проигрыш*. В нашем примере странным является не положение вещей, состоящее в том, что он проиграл и расстроился, а то, что говорящий, выбравший предлог *несмотря на*, тем самым считает, что при проигрыше надо радоваться. Для выражения этого смысла нельзя использовать предикат *странно, что* потому, что в его сферу действия не может входить мнение говорящего. Ибо, как известно, модальные рамки слов закрыты от воздействия со стороны других слов.

2. На странице 96 рассматривается группа союзов *Хоть <пусть, пускай, пусть даже, даже если, если и, хотя бы, хоть бы>*, выступающих в контекстах типа *Пусть даже половина людей погибнет, сойдет с ума, только бы другая вылечилась от пошлой бессмысленности жизни*. Для всей этой группы союзов предложено следующее толкование: ‘может иметь место Р в очень высокой

степени; говорящий уверен, что имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'. Это толкование представляется в целом правильным, но хотелось бы сделать одно уточнение. Формулировка 'может иметь место P в очень высокой степени' означает, что сама ситуация P градуируемая и в данной ситуации достигла высокой степени. В только что упомянутом примере это значит, что много людей погибнет или сойдет с ума. Между тем, градуируемость P совсем необязательна. Так, в примере *Да хоть бы он сегодня и подготовился к контрольной, все равно больше тройки в четверти я ему не поставлю* не утверждается, что подготовка к контрольной имеет место в очень высокой степени (то есть, очень хорошо подготовился). Скорее, имеется в виду, что сам факт подготовки к контрольной находится в верхней части некоторой имплицитной шкалы, скажем, шкалы показателей прилежания. Поэтому я предложил бы переформулировать этот компонент толкования, например, так: 'может иметь место P, представляющее собой очень высокую степень некоторой ситуации или признака'.

3. На странице 101 рассматриваются союзы *в то время как, между тем как, тогда как*, употребляющиеся в контекстах типа *Ему казалось, что он сидит в этой комнате уже целую вечность [Q], в то время как прошло не больше часа [P]*. Для этих союзов предлагается следующее толкование: 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; если имеет место ситуация типа Q, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-P'. Как легко видеть, это толкование полностью симметрично относительно P и Q. Действительно, описываемые союзы сообщают о том, что ситуации P и Q в некотором смысле несовместимы, а несовместимость – отношение симметричное. Поэтому предложения в этих союзах можно перифразировать, меняя местами P и Q. *Прошло не больше часа [P], в то время как ему казалось, что он сидит в этой комнате уже целую вечность [Q]*. Между тем, реально эта симметрия не полная. Представляется, что во фразах типа *P между тем как Q* один элемент, а именно первый, подается как исходный, коммуникативно более значимый, а второй вводится в противовес к нему. Этот аспект – коммуникативная несимметричность актантов - в толковании не

отражен.

Переходя к оценке работы в целом, следует отметить следующее: результаты диссертации достаточно полно отражены в опубликованных работах соискателя (42 работы, в том числе 19 статей в журналах из перечня ВАК и входящих в систему индексирования SCOPUS) и в автореферате. Различные разделы работы докладывались более чем на 30 международных научных мероприятиях. Замечания по оформлению диссертации и автореферата отсутствуют. Диссертация написана легким и красивым языком, читать ее истинное наслаждение.

Как теоретические разработки диссертации, так и их практическое воплощение свидетельствуют о том, что перед нами работа, выходящая далеко за рамки средней докторской диссертации и представляющая собой крупное научное достижение. Работа является законченным научным исследованием и полностью соответствует требованиям ВАК, в том числе, изложенным в пп. 9-14 "Положения о порядке присуждения ученых степеней", предъявляемым к диссертациям на соискание степени доктора филологических наук, а сам автор заслуживает присвоения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Заведующий лабораторией компьютерной лингвистики
ИППИ РАН им. А.А.Харкевича,
д.филол.наук, профессор

20 апреля 2015 г.

И.М.Богуславский

Игорь Михайлович Богуславский, раб. тел. +7 (495) 650-42-25, email bogus@iitp.ru, адрес: 127051, г. Москва, Большой Каретный переулок, д.19 стр. 1, заведующий лабораторией компьютерной лингвистики.

Ученый секретарь ИППИ РАН

Н.Е.Барина

Даю согласие выступить официальным оппонентом по диссертации

Апресян Валентины Юрьевны

на тему:

"Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке",
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук

Богуславский Игорь Михайлович

СВЕДЕНИЯ ОБ ОППОНЕНТЕ

1. Ученая степень, ученое звание, отрасль науки и научная специальность, по которой защищена диссертация: доктор филологических наук, профессор, 10.02.19 – Теория языка.
2. Место работы (полное наименование организации): Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем передачи информации им. А.А. Харкевича Российской академии наук.
3. Сокращенное наименование организации: ИППИ РАН.
4. Почтовый адрес с указанием индекса: 127051, г. Москва, Большой Каретный пер., д. 19, стр. 1.
5. Адрес официального сайта в сети Интернет: iitp.ru
6. Название структурного подразделения: лаборатория компьютерной лингвистики.
7. Должность: заведующий лабораторией.
8. Телефон с указанием кода города: 84956994927.
9. Адрес электронной почты: bogus@iitp.ru
10. Список основных публикаций по профилю оппонируемой диссертации в рецензируемых научных изданиях за последние 5 лет (не более 15):
 1. Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Июмдин, В.З.Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. / Отв. ред. Ю.Д.Апресян, "Языки славянских культур", 2010, с. 408.
 2. I. Boguslavsky, L. Iomdin, V. Sizov, S. Timoshenko. Interfacing the Lexicon and the Ontology in a Semantic Analyzer. In: COLING 2010. Proceedings of the 6th

Workshop on Ontologies and Lexical Resources (Ontolex 2010), Beijing, August 2010, pages 67–76.

3. И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин. Синтаксические, семантические и коммуникативные свойства автодериватов. In: Грамматика и лексика у словенским језицима. Зборник радова с међународного симпозијума, Београд, 2011, с.55-68.
4. И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин. О валентных свойствах одного широкого класса существительных. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам межд. конф. "Диалог-2010". Вып. 9 (16), стр. 47-54
5. Igor Boguslavsky. Semantic Analysis based on linguistic and ontological resources. In: Proceedings of the 5th International Conference on the Meaning - Text Theory. Barcelona, September 8 – 9, 2011. Igor Boguslavsky and Leo Wanner (Eds.), p. 25-36.
6. Igor Boguslavsky. Hypernodes in the UNL Interlingua. Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence (ICAI'11). Hamid R. Arabnia, David de la Fuente, Elena B. Kozerenko, Jose A. Olivass (Eds.).
7. Igor Boguslavsky. Remarks on compositionality (with reference to Gennadij Zeldovič's article "On Russian Dative Reflexive Constructions: Accidental or Compositional"). Studies in Polish Linguistics 6, 2011.
8. Igor Boguslavsky. Quantity and Degree Assessment in an RDF-based Semantic Language. In: Proceedings of the 2012 International Conference on Artificial Intelligence. Hamid R. Arabnia et al (eds.), CSREA Press, USA, p. 755-761.
9. Богуславский И.М., Диконов В.Г., Тимошенко С.П. *Онтология для поддержки задач извлечения смысла из текста на естественном языке*. Информационные технологии и системы - 2012.
10. Boguslavsky I. M., Dikonov V. G., Iomdin L. L., Timoshenko S. P. Semantic representation for NL understanding. In: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). — М.: Изд-во РГГУ, 2013, с. 132-144.
11. Богуславский И.М. Грамматикализация способов разрешения синтаксических конфликтов: асимметричные конструкции. *Juznoslovenski filolog* 69, 29 juli 2013, p. 115-135. ISSN 0350-185x
12. I. Boguslavsky. On the possibility of MT between the UNL dialects. In: Lexical Issues of UNL: Universal Networking Language 2012 Panel. Ed. Ronaldo Martins, Cambridge Scholars Publishing, Date Of Publication: Nov 2013, p.79-100.
13. Boguslavsky I. Adverbial partials in Russian (*vdvoe* 'twice as much/half', *napolovinu* 'half' and others). In: Proceedings of the 6th International Conference on Meaning-Text Theory Prague, August 30-31, 2013. Valentina Apresjan, Boris Iomdin, Ekaterina Ageeva (eds.)
14. SynTagRus – a deeply annotated corpus of Russian. In: Blumenthal, P., Novakova, I., Siepmann, D. (eds): *Nouvelles perspectives en sémantique lexicale et en organisation du discours*. Edition Peter Lang, pp. 367-379.
15. Argument structure of adverbial derivatives in Russian. Proceedings of COLING 2014, the 25th International Conference on Computational Linguistics: Technical Papers, pages 1071–1080, Dublin, Ireland, August 23-29 2014.